

Статья была опубликована в книге:

Русский мат. Антология. Под ред. Ф. Н. Ильясов. Составление: В. Л. Гершуни, Ф. Н. Ильясов. М.: Издательский дом Лада М, 1994. (PDF) С. 312-324.

Скачать книгу PDF https://www.academia.edu/attachments/96367141/download_file

Лариса Захарова

Этимология русских матерных слов

Речь идет о словах всем (или почти всем) известных и, несмотря на это, окруженных покровом запретности, таинственности. Мы знаем их, но мы почти ничего не знаем о них. И наше незнание порождает очень много мифов.

Русский мат, как и другие слова русского языка, отражает реалии объективной действительности, поэтому и на употребление его в различных ситуациях налагаются определенные запреты.

Вопрос первый, что считать матом, а что не считать? Безусловно, что в основу данной группы слов было положено ограниченное количество корней. Это, прежде всего, название мужских и женских гениталий, а также название действия (хуй, пизда, ебать(ся) муди, манда), позднее к ним прибавились различные производные от этих слов, а также названия лиц, чрезмерно, по мнению говорящего, увлекающихся сексом.

Что касается происхождения этих слов, то наиболее укоренились два мифа о них: первый, особо почитаемый ревнителями изначальной нравственности русского народа, - весь русский мат был заимствован из тюркских языков во время монголо-татарского нашествия; второй, распространяемый любителями "острого словца", - русский мат есть изобретение русского народа и весь мир ругается матом по-русски. К сожалению придется огорчить и тех и других: слова эти являются по своему происхождению исконно славянскими, или даже индоевропейскими, о чем свидетельствует наличие родственных корней с близкими значениями во многих славянских, а также неславянских

индоевропейских языках. Таким образом, происхождение их не является чем-либо необыкновенным, чем-либо принципиально отличающимся от этимологий других слов, обозначающих части человеческого тела. Как известно, корни, обозначающие какие-либо предметы, реалии, явления, жизненно важные, социально маркированные в жизни первобытного человека, табуировались, скрывались и заменялись различными функциональными номинациями - эвфемизмами описательного типа, например, рука "собирающая; та, которая берет", нога - "нагая".

Таков же и принцип наименования слов - названий гениталий. Но этимология слова - это лишь моментальный снимок в момент его создания, полную же картину может дать история функционирования слова, история развития его значения.

Затем следует поставить вопрос о том, что такое матерщина, чем обусловлено ее появление и существование. Употребляли ли наше предки матерные выражения? Безусловно да, иначе эти слова бы не сохранились. Но в каких контекстах, в каких ситуациях, и являлись ли эти слова такими уж запретными? На эти вопросы мы можем ответить лишь предположительно, попытавшись реконструировать приблизительную картину.

У древних народов существовало табу - запрет на употребление тех или иных слов и выражений, связанное с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка.

Особенно распространены табу на имена людей, названия животных - объектов охоты и др. Табуировались ли слова, обозначающие реалии сексуальной жизни человека в дохристианский период жизни восточных славян, были ли тогда эти лексемы запретными? Думаю, нет. Об этом свидетельствует и история фразеологического оборота еб твою мать, который первоначально заменял слово отец, на употребление которого мог быть наложен запрет. В сохранившихся, дошедших до нас текстах заговоров и других ритуальных текстах эти слова не встречаются, почти везде они заменены эвфемизмами типа чресла, срамный уд, станова жила.

Заметим, что подобные подстановки могли быть произведены в более позднее время.

Само же понятие мата, матерщины могло сформироваться лишь с оформлением языковых запретов, обусловленных культурно-историческими сдвигами, изменением оценки каких-либо реалий действительности, то есть в эпоху распространения христианства и введения литературного церковно-славянского языка, стилистической дифференциации лексики, нормированием употребления каких-либо слов. В этот период нежелательными становятся не только отдельные лексемы, а целые речевые ситуации и соответствующий им набор текстов становятся табуированными, и в тех случаях, где без них невозможно обойтись, они заменяются эвфемизмами, какими-либо функциональными наименованиями.

Разговорный же древне- и старорусский язык, существовавший в форме диалектов, не знал кодификации, и в народном просторечии эти слова свободно функционировали, выполняя свои прямые, номинативные, функции называния реалий действительности.

Действующие в литературном языке запреты и нормы распространяются на язык говоров намного позднее и не являются столь строгими. Ругается ли человек матом, если для обозначения мужского члена он употребляет слово хуй, так как не знает другого, например, пенис? Думаю, нет. Матерщина, употребление грубых, вульгарных ругательств есть с о з н а т е л ь н а я замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным, заряженным эмоционально-экспрессивной оценкой (чаще негативной). Это относится как к прямому, так и к переносному употреблению.

Следующим важным этапом в оформлении статуса группы матерных слов является период становления так называемой "карнавальной" культуры, то есть культуры вторичной, отражающей в пародийной форме культуру официальную, сформировавшую существующую категориально-оценочную систему. Она воспроизводит, моделирует уже отраженную действительность, пользуясь "двойным" отражением, и является культурой "более словесной". Слово в ней значимо само по себе, вне его связи с действительностью, зачастую сам звуковой комплекс здесь более значим, чем денотативный компонент значения.

Попробуйте заменить слово хуй на слово пенис в следующих предложениях: У меня болит хуй. Я стою вон за тем хуем в очках и кожаной куртке. На хуя тебе это надо? После проведения замены вы убедитесь, что значение первого

предложения совершенно не изменится, у второго предложения изменится оценочный компонент, причем далеко не в лучшую сторону, а в третьем предложении замещение невозможно совсем, так как эти два слова имеют совершенно различные значения.

Во втором и третьем предложениях слово хуй помимо номинативной и экспрессивной функций выполняет еще и ритуальную, семиотическую, является знаком, символизирующим принадлежность как говорящего, так и адресанта к одной группе, к одной культуре, причем эта функция для матерных слов является очень древней. Д.К. Зеленин отмечает, что "костромские великоруссы убеждены, что "черт боится матюков, т.е. матерной брани, и как только его заматеришь - сразу отстает". И здесь, конечно, одна из главных причин, почему неприличная матерная брань так широко и глубоко распространилась в русском народе". Там же отмечается, что многие народы, например, коми, селькупы и др. считают, что русская матерная брань помогает защищаться от демонов. Без сомнения, эти приметы они позаимствовали у русских колонистов.

Таким образом, для оформления в языковой системе и речевой практике понятия мата, матерщины необходима реализация следующих условий: экстралингвистических – сформированность необходимого культурно-исторического контекста, предполагающего градуированную категориально-оценочную систему как определенных реалий действительности, так и представлений человека о них; существование параллельной, пародийной "карнавальной" культуры; и наличие развивающегося нормированного литературного языка, противопоставленного стихии разговорной речи, наличие стилистических синонимов, способных заменить нежелательные, "ушедшие в подполье" лексемы.

Есть и третий миф: русский народ богохульства и ругани не терпел, не матюкался и не ёрничал, в речах своих избегал грязи и вульгарщины. Представляется, что большинство представителей русского народа и интеллигенции действительно сквернословие не почитали, но вот отдельные личности, которых, кстати, было немало, сильно и ярко выразиться любили. Вспомним:

– Эх, ты! А и седым волосом еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо людей кормит?

- А! заплатанной, заплатанной! - вскрикнул мужик.

Было им прибавлено и существительное к слову "заплатанной", очень удачное, но неупотребительное в светском разговоре, а потому мы его и пропустим. Впрочем, можно догадываться, что оно выражено было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик уже давно пропал из виду и много уехали вперед, однако ж все еще усмехался, сидя в бричке. Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все воронье горло и скажет ясно, откуда вышлетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, - одной чертой обрисован ты с ног до головы!" И далее - "но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово."

Вот так оценивает феномен русского нелитературного словоупотребления Н. В. Гоголь, христианин и славянофил, и вместе с тем необыкновенный мастер "карнавальнoй" феерии, тонко чувствующий и распознающий ее не только в словесном, но и других видах творчества. Откроем "Русские заветные сказки" А. Н. Афанасьева и еще раз убедимся в правоте Н. Гоголя. Тексты этих сказок, так похожих на современные эротические анекдоты, дают нам большой материал по функционированию ругательств. Отметим, что употребление матерных выражений здесь не случайпо, оно намеренно, семиологически значимо.

Вот что пишет известный ученый и собиратель фольклора А. И. Никифоров: "Сказочник, рассказывая самую при-личную сказку, вдруг, без всякой причины в какой-нибудь острый момент ввернет известное ругательство или неприличное выражение.

Делают это нечасто и только взрослые исполнители. Для чего? Случай, которые мне пришлось наблюдать показывают, что здесь цель у сказочника чисто эстетическая, украшение данного места рассказа, как бы странным ни показалось с первого взгляда такое утверждение". И далее продолжает: "специальное значение эротика имеет в присказке. Присказка в большинстве случаев неприлична... Сказочнику нужен трамплин, известный переход к сказке, но подход, который бы захватил слушателей".

Таким образом, мат в отдельных случаях может выполнять и эстетические функции, т.е. служить в тексте пограничным сигналом, который позволяет участникам речевого акта переключиться, выйти на другой уровень абстракции, стать участниками той карнавальной мистерии, которую одни считают кривым зеркалом, а другие - единственно прямым, отражающим "кривую рожу". Если понаблюдать за употреблением матерных слов в тексте сказки, можно заметить, что довольно часто на их месте встречаются эвфемизмы, контекстуальные замены, что неслучайно; беспорядочное повторение лишает слово той красочности, эмоциональности, которой оно обладает.

В присказках же, пословицах и поговорках нейтральные, сглаживающие восприятие фразы замены отсутствуют, так как цель этих речений другая - дать верную, точную эмоциональную оценку какому-либо факту.

Приведем некоторые примеры: присказка - "Не насытится никогда око зрением, а жопа бздением, нос табаком, а пизда хорошим елдаком: сколько ее ни зуди - она, гадина, все недовольна"; первая частушка цикла - "Начинаем веселиться начинаем песни петь, для начала разрешите на хуй валенок надеть". Заметим, что подобные озорные фразы часто начинают вполне безобидные сказки или циклы частушек.

В своей статье "Эротика в великорусской сказке" А. И. Никифоров приводит следующее свидетельство от XVII в. иностранца Олеария о том, что русские часто "говорят о сладострастии, постыдных пороках, разврате и любодееании их самих или других лиц, рассказывают всякого рода срамные сказки и тот, кто наиболее сквернословит и отпускает самые неприличные шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, тот и считается у них лучшим и приятнейшим в обществе".

Как известно, в ранние периоды существования русской государственности, языковая ситуация определялась принципом одновременного функционирования двух языков в строго закрепленных для каждого из них ситуациях: язык церковно-славянских памятников, употреблявшийся в роли литературного, строго нормированный на уровне лексики, и служащий в обиходе, сохранившийся в языке юридических документов, частной переписке древне- и старорусский язык. До определенного периода оба эти языка сосуществовали в разных нишах и не пересекались.

Однако в первой трети XVIII в., после появления работ М. В. Ломоносова, разработавшего теорию "трех штилей", ряда статей В. Тредиаковского "низкие", простонародные слова исчезают из текстов и словарей. Большое количество заимствований из европейских языков, коррелируя с собственно русскими лексемами, полностью вытесняют их из официального употребления. Литературный язык объявляет "вне закона" даже самые невинные слова и выражения. Все это и приводит к расцвету второй, так называемой андерграундной культуры, продолжающей скоморошескую, существующей параллельно с официальной, назовем известные поэмы Баркова, отдельные произведения молодого Пушкина и поэтов пушкинской поры (например, Д. Давыдова, А. Полежаева и др.) и ряд подобных.

После же 1917 г., когда сомневаться в том, что секс у нас есть было просто опасно для жизни, ситуация становится просто сюрреалистической, лучше быть "хуем заплатанным" (или чем вам угодно), только не троцкистом, ревизионистом и под., нравственные принципы оценок полностью заменяются классовыми, и расцветает "культура скоморошества", сексуально-эротическая область становится своего рода "нейтральной полосой", где почти каждый хочет погулять и сорвать свой цветок. Но, к сожалению, это лишь одна из причин процветающего в наши дни сквернословия, другие его причины более видимы и менее эстетичны. Это постоянный страх, социальная неустроенность, люмпенство и агрессивность в сочетании с безграмотностью. Волна бессмысленного, тугодумного витийствования, захватившая уже давно средства массовой информации, трибуны обкомов, крайкомов, а сегодня и парламентов, бедность и безысходная, пугающая неуклюжесть языка наших "златоустов" и "плевако" есть и причина, и следствие той культурной, и, соответственно, языковой болезни общества.

Послушайте речь какого-либо политического лидера и сразу узнаете "кто есть ху...", образованообразная речь, где вместо многочисленных хм..., гм... и других мычаний и говорящему и всем слушающим хочется вставить "бля"! Однако давать оценку современному сквернословью не является целью нашей статьи, цель ее другая - хотелось бы показать, что данная группа слов во многом похожа на другие лексемы и подчиняется основным законам русского языка.

Откуда же набираются рекруты в эту группу слов? Прежде всего из народного языка, языка диалектов, заимствуются они и из литературного языка и переходят в разряд непечатных, заимствуются слова из иностранных языков; но самой большой базой для пополнения является словообразовательная система русского языка.

Возьмем, к примеру, группу слов, обозначающую мужской член. Она наиболее многочисленна, что, очевидно, связано с оценкой этой реалии как чего-либо сильного, активного, дающего жизнь, энергию. В русском просторечии здесь использовались следующие слова: хуй, елда, очевидно, образованное от глагола еть, сравните куелда, елдыга "сквернослов, ругатель"; елдакь - "большой член", а также "мужчина, падкий на женщин", диалектное древнерусское гоило от гоити "оживлять, оплодотворять"; стилистически нейтральное удъ "член"; "родительный удъ, срамный удъ, тайный удъ" мужские и женские гениталии (хуй, муди и пизда)", как предполагает Р. Якобсон, образованное от древнерусского удити "зреть, набухать", в относительно недавний период, приблизительно конец XVII в. появляется слово хер, название буквы Х в славянской азбуке, ср. похерить - "перечеркнуть крестом", первоначально как эвфемизм, но впоследствии эти два слова настолько сблизились, что многие отрицательные коннотации первого переходят на второй и хер начинает восприниматься как бранное, становятся возможными и замены типа: Иди ты на хер! к херу!, На хера тебе это надо!, образования типа охерел. То же самое в наши дни, по-моему, происходит со словом член, официальным представителем данной семы в кодифицированной речи, сближение его со словом хуй происходит на наших глазах, вернее ушах, и дурное влияние последнего не оставляет ему шансов выжить; можно услышать: Какого члена ты это сделал?!, член с ним!, становится возможной такая игра слов как двусмысленное членовоз "машина члена Политбюро" и под. В современном молодежном сленге можно услышать массу

заимствований из английского и в том числе английский эквивалент прик, в медицинской терминологии используется заимствование из латыни - пенис. Заместителями слова хуй могут служить и другие слова, специально для этой цели образованные, или контекстуально обусловленные.

Самая частотная модель здесь - "то, что совершает определенное действие" и "тот, кто совершает это действие", сюда входят образования типа ебло, ебарь, ебец, трахаль, пехарь и под.

Рассмотрим лексическое значение слова хуй и объем этого значения: оно может обозначать конкретный предмет; определенный символ; а может и ничего не обозначать и одновременно обозначать все, подобно местоимениям кто-либо, что-либо, заменять любое существительное, например, ни хуя (ничего), за каким хуем (зачем?), хуй в шляпе (кто-либо, какой-либо мужчина в шляпе). Вот эта способность матерных слов полностью терять денотативный компонент конкретности, превращаться в не имеющую собственного значения единицу и является, пожалуй, феноменальной, вызывающий живой интерес. Здесь рождается еще один миф - "с помощью этих пяти-шести слов можно выразить любые значения". Эти значения мы выражаем не с помощью этих 5-6 корней, а с помощью морфологической и грамматической системы русского языка, т.е. тех самых приставок, суффиксов и окончаний. Приведем цитату из повести С. Довлатова "Зона":

"Прислали к нам сержанта из Москвы. Весьма интеллигентного юношу, сына писателя. Желая показаться завзятым вохровцем, он без конца матерился.

Раз он прикрикнул на какого-то зека:

— Ты что, ебну́лся?

(Именно так поставив ударение.)

Зек реагировал основательно:

— Гражданин сержант, вы не правы.

Можно сказать - ёбнулся, ебанулся и наебнулся. А ебну́лся -такого слова в русском литературном языке, уж извините, нет...

Сержант получил урок русского языка". Герой Довлатова, употребив термин "литературный язык", имел в виду правильный, подчиняющийся нормам, существующим моделям. Однако было бы несправедливым утверждать, что ёбнулся и сошел с ума являются полными синонимами, они различаются

экспрессивным, оценочным компонентом, который может быть разным: "хороший" < "свой" < "не чужой", с одной стороны, (сравним хуй и пенис в обозначении мужчины), и "плохой" < "запретный", с другой (например, прилагательное хуёвый наречие хуево). Таким образом, можно заключить, что матерные слова в отдельных текстах могут выполнять и эстетико-культурные функции, быть своеобразным культурным знаком.

В результате изменения лексического значения у данного слова возможно и появление многозначности. Чаще всего подобные изменения происходят по уже готовым моделям: "предмет" > "его обладатель". Наличие двух значений у слова хуй "мужской член" и "тот, у кого есть член" часто приводит к персонификации и символизации этого понятия, что, кстати, очень свойственно карнавальная, "смеховой" культуре, вспомним гоголевский нос. Возможно, что здесь мы имеем дело с реликтами древнего фаллического культа, например, в прошлом веке часто посылали не на хуй, а к хую, к херу, различие здесь принципиальное - в первом случае актуализируется сема места, направления, цели движения (куда?), а во втором - субъект, к которому направлено движение (к кому?).

Наибольшее количество функциональных номинаций имеет глагол ебать(ся). Это естественно, так как денотативное значение этого глагола наиболее ярко, погранично, сакрально. Тонкий стилист, точно чувствующий коннотации слова В. Даль дает в словарной статье на это слово следующую помету: "пошлая брань, ругань" хотя на другие слова данной группы он замечает следующее: елда, елдак (вульгарно, насмешливо), курва (неприлично, бранно), хуй (вульгарно, неприлично).

Все контекстуальные замены глагола определяются различными категориальными и аспектуальными признаками, характеризующими действие в русском языке и содержащимися в морфологии русского глагола: такими как переходность, каузальность, активное воздействие на объект, многократность, взаимность и под., например, трахать, трахнуть, трахаться (отсюда - существительное трах, синоним ебля); иметь, поиметь, отыметь; пихаться, перепихнуться; отработать; махнуть, махать, отмахать; пронять; нажаривать; оттянуть; лудить и под., в молодежном сленге часто используются заимствования из английского - фачить(ся), и подобные русским контекстуальные замены, например, стебать и др.

Представляются интересными наименования людей в данной лексико-семантической группе. Здесь в определенной мере частотным является перенесение на человека названия органа, что очень типично, сравните, голова (об умном), золотые руки (об умелом) и под. Такой перенос часто сопровождается суффиксацией, например, мудак ("тот, у кого есть муди" -> "тот, у кого есть только муди" -> "дурак", русская пословица: сиди в куте, да пестуй муде, мудозвон). Очень частым, универсальным для многих языков, является название человека именем животного, в русском языке - это курва, первоначально "курица", сука, кобель, блудливый кот, жеребец.

Многочисленны и отглагольные образования типа ебец, ебарь, шлендра, гулена, давалка, блядь, плеха (от плешничать, син. блядовать). Очень интересная история слова блядь, заимствованного разговорным языком из литературного церковно-славянского и прошедшего долгий путь семантической эволюции или "деградации" от "обман, заблуждение" к "проститутка", а затем - к иногдабезликому, а иногда необычайно переполненному смыслом "бля!" Итак, слово блядь образовано от общеславянского глагола *bltsti, древнерусского блести, бледу "ошибаться", сравните с родственным блудить, блуд. БЛАДЬ встречается в евангельских текстах (например, Остромировом евангелии), Изборнике 1073 г. и других древних славянских и русских памятниках в значениях: "обман", "вздор", "обманщик", "бездумный", "прелюбодейка".

В этих же значениях слово пришло в древнерусский язык, однако в современном значении было незнакомо просторечию, у него не было соответствующей экспрессивно-эмоциональной характеристики, в живом разговорном языке его заменяло слово курва, а блядь было его литературным эквивалентом, обозначавшим лишь определенный социальный статус женщины; в аналогичных отношениях в современном русском языке находятся существительные проститутка и блядь. И лишь во второй трети XVII в. это слово исчезает из литературного языка и занимает свое место в городском просторечии, а к началу XX в. почти вытесняет курву. Интересно, что названия деятелей лиц женского пола в русском языке, как впрочем и в других индоевропейских, обычно образуются от аналогичных названий лиц мужского пола, а в группе ругательств - наоборот, названия лиц мужского пола образуются от названий лиц женского пола, например: Курва княжой повар по Псковь, аналогичные примеры можно

привести и со словами блядь и проститутка, это относится и к суффиксальным образованиям, например, блядун, потаскун (от потаскушка).

Под влиянием блядь изменяется и значение глагола блядовать, первоначальное "впадать в ересь, заблуждаться" > "распутничать, предаваться разврату": А Королева свейского (короля) не любит, что онъ с курвами блядуетъ. Вообще, в старорусский период это слово было более активным, а его основа более продуктивной, сравните блядь, блядивый, блядивство, блядинъ сынъ, блядка, блядовать, блядословие, блядословець и др.

На этом закончим наш обзор слов данной группы. В заключение скажем об оценке сквернословия как реального явления языковой жизни общества. Думается, что основными критериями такой оценки должны послужить соответствие выбранных автором языковых средств цели высказывания, условиям речевой ситуации, общим знаниями участников коммуникативного акта; точность, адекватность передаваемого содержания.

Ссылки

Афанасьев А. Н. Русские заветные сказки. М., 1992.

Гоголь Н. В. Мертвые душ. М., 1974.

Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. ТТ.1-4. Изд. 3-е под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртэнэ. М.-СПб. 1903-1912.

Довлатов С. Зона Компромисс. Заповедник. — М., 1991.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Средней Азии // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. IX. Л., 1930.

Никифоров А. И. Эротика в великорусской сказке. // Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки. М., 1991.

Словари

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. ТТ. 1—III. М., 1989-1991.

Дювернуа А. А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1912.

Словарь древнерусского языка XI-XII вв. ТТ. I-XVII, М., 1975-1991.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. ТТ.1-4, М., 1984.

Vasmes M. Russisches etymologisches Wortesbuch. B. I-III. — Heidelberg, 1953-1958.

* * *